

Комсомольская Правда
г. Вильнюс

24 ОКТЯБРЯ 1986 г., № 205 (10610).

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

— Вы вновь — в Молодежном театре, где начинался ваш творческий путь. Как вы оцениваете этот коллектив сегодня? Как действует на вас то, что работать приходится с новыми актерами, в иной атмосфере?

— Возвращение через пять лет (после «Трех любимых» Жемайте в 1979 г. — Л. Т.) в Молодежный театр весьма интересное дело. Оно аналогично проблематике пьесы, которую мы сейчас репетируем. Вернувшись в театр, с которым связаны первые открытия и разочарования, многое оцениваешь иначе, многое пересматриваешь и в себе, и в окружающих, как, впрочем, и они в тебе. Короче говоря, атмосфера на репетициях прекрасная. Что же касается моих «страстностей» по разным театрам — воздействует оно двояко: с одной стороны, пребывание в пути заставляет подтянуться, меняющаяся обстановка раскрывает новые точки зрения на эпоху и свое место в ней, заставляет искать новые подходы к актерам. С другой стороны, очень уж хочется найти постоянное место, людей, наиболее понимающих тебя, которых можно максимально раскрыть. Хочется сконцентрировать то, что накоплено за годы открытий и потерь. Хотелось заняться не постановкой отдельного спектакля, а созданием театра — духовного института (так я его понимаю). Сегодня я чувствую себя наемным работником, который, вспахав, должен идти в другое хозяйство, не дожидаясь урожая...

— Вы только что вернулись с гастролей в Грузию, где были с коллективом Каунасского драматического театра. Какое впечатление оставила у вас тамошняя театральная жизнь? Похожи ли их проблемы на те, с которыми сталкиваемся мы? Как обстоит дело с национальной драматургией, с раскрытием и закреплением молодых актеров на грузинской сцене? Каковы их важнейшие духовные проблемы?

— Михаил Туманишвили, основатель того театра, с которым дружит Каунасский драматический, говорил, что театр реализуется до конца лишь

в той среде, из нитей которой вытканы его спектакли. Десять дней в Грузии заставили максимально мобилизовать свои силы, чтобы привлечь экспансивного грузинского зрителя, у которого театральное искусство не особенно высоко котируется, проверить и свои человеческие и художественные позиции. И... вызвали тоску по дому: ведь гастрольные праздники и будни для того и существуют, чтобы по-

коления произвольно заставляют то, что в ряды литовских режиссеров так и не пришли яркие новые силы. Как, по-вашему, почему? Почему мы не видим сценических произведений о наиболее актуальных духовных проблемах сегодняшней молодежи?

— Я не согласен с тем, что в литовский театр не приходят новые силы. Может, они не сразу проявляются — значит, надо иметь терпение. Хотя

выражения, поисков и утрат иная. Молодым больше.

— Я думаю, каждый художник, помимо существенных проблем определенного творческого периода, постоянно ощущает преследование какой-либо не дающей покоя мысли, которая вторгается в каждое произведение. Если так, то что вас в наибольшей степени преследует сегодня?

— Задевает, что в условиях происходящей перестройки

пулярности среди молодежи?

— Режиссер может наполнить свое однодневное, неустойчивое искусство лишь живым чудом человеческого контакта. Это и заставляет меня искать новые мысли, новые движения души. Меня не интересует эффектная сервировка модной проблематики. Театр создается 24 часа в сутки — я в этом уверен — из случайного взгляда в поэде, из более незнакомого человека, из

— В вашем творчестве бывают яркие подъемы, но, видимо, бывают и неудачи. Что вы считаете для себя самой высокой и самой низкой точкой?

— Я стараюсь оставлять эти обсуждения на долю критиков и снотов. Спектакли бывают такие, сякие и всякие... Я же думаю, что надо работать, работать, сжав зубы, стараясь действительно равнодушно принимать и успех, и неудачи... До этого еще далеко, но это единственный выход, чтобы не потерять веру, чтобы тебя не облепили чужие мнения.

— Как бы вы сформулировали главный принцип своей работы с актером? Вас называют режиссером, который особенно чуток к исполнителям...

— Главный принцип — любовь и доверие. Даже когда тебя не любят и тебе не верят. Дьявольское терпение. Страшно смотреть на матерей, которые на вопрос своего ребенка или неловкий шаг отвечают нетерпением. Актера надо формировать и лелеять — словно он учится заново ходить, зная и трезво оценивая тот факт, что он все равно пойдет своим путем, что режиссер в его сознании или подсознании все равно останется тем деспотом, с которым необходимо взять реванш или даже уничтожить его.

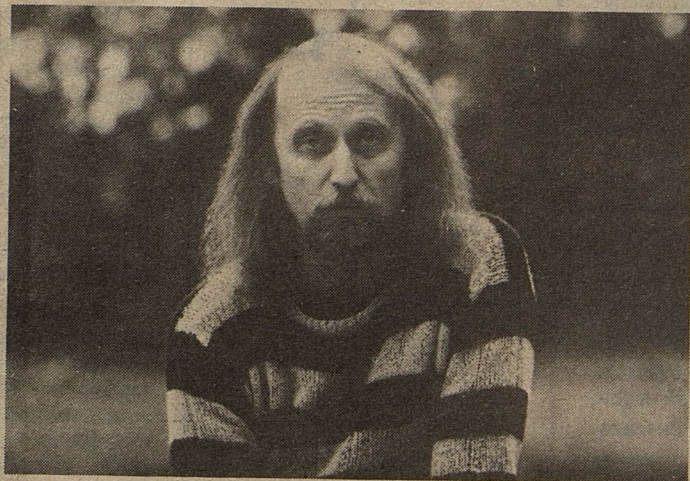
— Не чувствуете ли вы усталости от театра? Ведь режиссер — профессия тяжелая.

— Возвращаясь по вечерам домой из каунасского, вильнюсского или шяуляйского театров, я часто даже читать не могу. Совершенно теряю вкус, как «пропущенный» кофе... Для восстановления остается очень мало времени. Бросаюсь, очертя голову, к природе, к музыке, к тихой доброте людей. И чем дальше, тем трезвее и проще смотрю на свою судьбу: быть режиссером — значит всю жизнь работать с собой. Каждую секунду побеждать страх неизвестности, не поддаваться иллюзии всезнания. Каждую секунду возрождаться к вере и ясной простоте — даже когда и на сцене, и в жизни бывает столько разного...

Фото Д. Ширвите.

ВОЗРОДИТСЯ К ЧИСТОЙ ПРОСТОТЕ

Гитис ПАДЯГИМАС в 1975 г. окончил факультет режиссуры в Государственном институте театрального искусства им. А. Луначарского и начал работу в Молодежном театре Лит. ССР. Первое десятилетие его творчества ознаменовалось многими спектаклями в различных театрах республики (Каунасе, Шяуляй, Клайпеде), на ТВ. Гитис Падягимас — основатель камерного театра в Каунасе, неутомимый искатель в области оригинальной национальной драматургии. Сейчас он вновь репетирует в Молодежном театре. Началось второе творческое десятилетие, о котором корреспондент «Коммунистический» Лолита ТИРВАЙТЕ беседует с режиссером.

том возвращаться в свой дом, к его глубинным проблемам. Грузинский театр мне доводилось видеть больше изнутри, в общении. Его люди покоряют непосредственностью, ясностью (хотя, может, это лишь кажется со стороны), которых так не хватает нам. Это, пожалуй, отражается и в свободной, игровой форме спектаклей. При таких отношениях легче, менее болезненно протекает творческое закрепление молодежи. Мне довелось увидеть «Записки сумасшедшего», которые только что поставил М. Туманишвили.

— То же произведение, которое гости видели в вашей постановке на каунасской сцене, ставшей знаменательным событием в жизни нашего театра?

— Эти спектакли — наш и грузинский — сильно отличаются друг от друга. Но, видимо, отражают ту же и весьма важную духовную проблему, задевающую и нас, и их, разрыв человеческих связей и — вследствие этого — распад личности, страстное желание вновь установить связи на разных уровнях — культурном, личном...

— Я вновь обращаюсь к вам, как к молодому режиссеру: ведь вам еще нет 35 лет. Конечно, ваши наиболее зрелые работы — «Кредиторы», «Карл и Анна», «Наш город», «Жемайте» — свидетельствуют об опытном художнике. Но по-прежнему считайте вас представителем молодого

поколения молодой режиссуры действительно актуальна. У нас нет национальной режиссерской школы. В режиссуру часто приходят случайно, и учат наших будущих режиссеров тоже чаще всего люди, не столкнувшиеся с теми аспектами духовных проблем, с которыми сразу сталкивается дебютирующий режиссер. Отсюда столь долгое, а зачастую и безуспешное «вращение» молодых режиссеров (не только театральных) в культуру республики. Что же касается произведений для молодежи — мы мало знаем молодежь с ее часто меняющимися проблемами. Колебания молодежной моды оперативно сигнализируют о весьма серьезных изменениях духовных качеств. Мне кажется, театр и наше искусство вообще просто не успевают узнать молодежь, пока она молода. Дефицит подлинных ценностей стоит весьма остро. Когда в обществе происходит множество переоценок, молодой человек не успевает обрести духовную устойчивость, необходимую для работы над собой, для формирования позиции и мироощущения (а может, и мы не всегда до конца честны в отношениях с молодежью). И вот молодые люди остаются в духовном вакууме. Хотя, с другой стороны, не думаю, что всякий раз необходимо акцентировать духовные проблемы молодежи как исключительные: они актуальны во все возрастные периоды, только интенсивность их

громче всего о ней говорят те, которые вряд ли когда-нибудь перестроятся. Изобретают все новые маски, новые приспособления на тему «что сделать, чтобы опять ничего не делать»... Честность и чистота души не воспитываются речами, директивами. Формирование новых духовных параметров — работа долгая и кропотливая, связанная с внутренним самоопределением каждого из нас. С подлинным совершенствованием!

— Может, театр должен более откровенно говорить об этом сегодня со сцены?

— Думаю, что нет. Мы и так уже долго и патетически декларируем нового человека, его новые черты... Просто «надо работать, господа...» Так, как работали Чехов, Жемайте и многие другие светочи духа, чей повседневный выклад в процесс совершенствования человека значительно больше весит, чем слова с трибуны.

— Вы не пассивный «потребитель» драматургии, выбирающий готовую пьесу из множества представленных, но активно ищите современную, актуальную. Об этих творческих поисках свидетельствует и один из пунктов программы «Специфические задачи камерного театра Каунасского дома работников искусств». Вы ищите непрофессиональных драматургов. Насколько успешно? Как складывается сотрудничество с Юргой Иванаускайте? В чем, по-вашему, секрет ее по-

предательства близких. Режиссер отбирает все это, конденсирует, направляет. Всегда надо думать о завтрашнем дне, чтобы ни на секунду не появлялся страшный вакуум, разрушающий естественное течение жизни. Ни в драматургии, ни на сцене, ни за кулисами. Недостаточность и некачественность спектаклей для детей — предпосылка к пустым театральным залам в будущем, когда эти дети вырастут. Очень хочу поставить в Молодежном театре пьесу Гражины Марепкайте «Сальве» — вильнюсскую пьесу для молодежи. Ироничного и растерянного молодого человека, наполненного юношеской резкостью и апатией, Юрга Иванаускайте ввела в наш спектакльный, даже стерильный контекст первых книг, не причесав его раскрашенный хохолок и не смыв с лица фальшивый прим, и не утерев призовые слезы. Он, может, не особенно глубок, не особенно активен, но зато подлинный. Он хочет найти себя сам и чтобы его нашли. Это уже немало. Надеюсь в конце этого сезона «найти» этих героев Ю. Иванаускайте для театральной сцены (только опять не знаю, для какой...) Думаю, что будущий спектакль должен объединять острейшую социальную проблематику молодежи (пассивность, наркомания) с поиском новой театральной формы, отражающей именно это поколение.